

Когда слуги, дежурившие снаружи, услышали голос Чжан Чжилань, они поняли, что допустили оплошность, и поспешно заверили, что теперь даже муха не пролетит мимо дверей кабинета.

— Что такое? Сделала гадость и боишься, что кто-то услышит? Раз уж осмелилась сделать, имей смелость признаться! Трус! — не сдержавшись, выпалила Чжан Чжилань, с ненавистью глядя на Гань Цзиньюаня.

Гань Цзиньюань молча закрыл дверь:

— Госпожа, еду можно есть любую, а вот языком молоть что попало не стоит.

— Я молочу? — Чжан Чжилань указала на портрет. — Тогда ответь мне, почему портрет князя Пина стоит здесь? А? Отвечай!

— Это всего лишь картина, к чему такая паника? Или это у тебя на душе нечисто, и, видя знакомое лицо, ты судишь о других по себе? — Гань Цзиньюань прищурился, многозначительно глядя на неё.

Чжан Чжилань, которую задела за живое, на мгновение задохнулась от возмущения, а затем взорвалась ещё сильнее:

— Думаешь, если сейчас выльешь на меня ушат грязи, то скроешь свою нечистую совесть?!

— Совесть? — Гань Цзиньюань усмехнулся. — А если я скажу тебе, что так оно и есть, что ты сделаешь?

Услышав признание, Чжан Чжилань в ярости бросилась на него, остервенело крича:

— Как ты посмел? Как у тебя хватило духу на такие грязные мысли! Противно, просто омерзительно, ты вызываешь у меня одно лишь отвращение!

Гань Цзиньюань смотрел, как она царапается и дерется, и в голове вдруг промелькнула мысль: чем эта женщина вообще могла заслужить чьё-то расположение? Вероятно, лишь умением мастерски притворяться.

От этой мысли его охватило раздражение. Он с силой оттолкнул Чжан Чжилань, и та, не удержавшись, ударилась лбом об угол стола. На коже тут же выступила кровь.

Чжан Чжилань замерла. Она растерянно коснулась лба, увидела на пальцах кровь и в ужасе закричала:

— А! Кровь! Я ранена! Моя голова в крови!

Гань Цзиньюань холодно бросил:

— Раз ранена, иди к лекарю. Чего кричать-то?

Чжан Чжилань, полная ненависти, ткнула в него пальцем:

— Это ты сделал! Я заставлю тебя заплатить за это!

— Заплатить? Какую цену? — спросил Гань Цзиньюань.

Лицо Чжан Чжилань исказилось в злобной усмешке:

— Благородный юный генерал любит мужчину, да ещё и князя Пина! Как думаешь, что будет, если об этом узнают люди? А если узнает тот, кто сидит на самом верху?

Гань Цзиньюань усмехнулся:

— А что будет, если люди узнают, что моя госпожа до замужества крутила шашни с другим и до сих пор сохнет по нему?

Чжан Чжилань вздрогнула и, пытаясь оправдаться, закричала:

— Врёшь! Ты хочешь оклеветать меня, чтобы скрыть свой позор!

Гань Цзиньюань пристально смотрел на неё, и Чжан Чжилань, несмотря на попытки сохранить невозмутимость, слегка задрожала.

Он отвернулся и коснулся рукой изображения на картине:

— Действительно ли я лгу? Ты прекрасно знаешь, кто это, и я тоже знаю. Я просто не хочу произносить его имя вслух.

В глазах Чжан Чжилань этот жест выглядел как прямое доказательство. Она запаниковала. Раньше она вела себя столь агрессивно, полагая, что её тайные мысли никому не известны, но теперь, когда Гань Цзиньюань дал понять, что всё знает, она не могла не встревожиться.

Когда один грешник обвиняет другого, а тот в ответ раскрывает его секреты, они становятся соучастниками, связанными общей тайной до самой смерти.

— Сиди в резиденции генерала и веди себя прилично. Не смей никуда выходить. Не надейся, что если я паду, тебе станет легче — твоя жизнь превратится в сущий ад.

Это было завуалированной угрозой и домашним арестом. Чжан Чжилань всё же проигрывала Гань Цзиньюаню. Она задрожала, обхватила колени руками и спрятала лицо, словно пытаясь найти хоть какое-то подобие безопасности.

Гань Цзиньюань мельком взглянул на её жалкий вид, но не почувствовал ни капли жалости. Он широким шагом вышел к дверям кабинета и громко позвал:

— Ко мне!

Вскоре появились слуги.

— Отнесите госпожу обратно. Больше не позволяйте ей покидать пределы двора. Переписку буддийских сутр перенесите к ней — раз её сердце нечисто, то и в молельню ей вход заказан, негоже осквернять святое место. Если ещё раз допустите оплошность, пеняйте на себя.

Слуги поспешно поклонились и, подхватив потерявшую рассудок Чжан Чжилань, вынесли её прочь.

Что именно произошло в кабинете, они не знали, но любопытство быстро уступило место разочарованию. Иллюзии о первой красавице Поднебесной окончательно развеялись, сменившись презрением.

Слуги не стали скрывать состояние госпожи, и вскоре по всей резиденции разлетелись слухи: Чжан Чжилань снова ворвалась в кабинет генерала и устроила драку. Эта новость, приправленная подробностями о её жалком виде, вызвала у прислуги, годами терпевшей её выходки, лишь злорадное торжество. Все они чувствовали, что она недостойна их господина, и жалели, что такой прекрасный человек оказался связан с ней узами брака. Сердца слуг, разумеется, были на стороне Гань Цзиньюаня.

Когда до матери Гань Цзиньюаня дошли эти вести, она пришла в ярость. Жена, дерущаяся с мужем — что за позор? Даже за переписыванием сутр не может вести себя спокойно!

Она приказала своей помощнице передать Чжан Чжилань, что та обязана ежедневно являться к ней с поклоном и приносить сутры на проверку. Казалось, все забыли, что у Чжан Чжилань на лбу глубокая рана.

— Ванъе, у ворот служанка по имени Хэ Сян, говорит, что у неё срочное дело, — доложил Фу Цюань Чжун Сибаю, который развлекался тем, что дразнил птицу во дворе.

В последнее время Чжун Сибай перестал злоупотреблять вином, сменив его на общение с птицами. Правда, эта птица была слишком высокомерной и игнорировала его. Впрочем, ожидать от воробья понимания было глупо, и тот лишь изредка поглядывал на Чжун Сибай так, словно смотрел на слабоумного.

Чжун Сибай замер, слегка нахмурившись:

— Хэ Сян...

Фу Цюань, видя реакцию хозяина, предположил, что тот забыл эту девушку, и добавил:

— Тогда я передам, что вы не принимаете гостей.

— Постой, пусть войдет, — сказал Чжун Сибай.

Фу Цюань удивился:

— Слушаюсь, сейчас приведу.

Чжун Сибай посмотрел на клетку и с улыбкой произнёс:

— Ну же, скажи: Ванъе — самый красивый в мире.

Птица лишь мельком взглянула на него и продолжила чистить перья.

Чжун Сибай усмехнулся, поправил воротник, головной убор и рукава, затем встал, заложив руки за спину, и устремил глубокий взгляд вдаль. Его движения были плавными и изящными, но, кроме птицы, этого никто не видел.

Когда Фу Цюань привел Хэ Сян, она застала именно эту картину, напоминавшую полотно великого мастера. Девушка на мгновение замялась, а затем, опустив голову, пошла следом за Фу Цюанем.

Почувствовав чьё-то присутствие, Чжун Сибай медленно повернулся. Увидев Хэ Сян, он тихо вздохнул и сказал Фу Цюаню:

— Ты можешь идти.

— Слушаюсь, Ванъе.

— Ты Хэ Сян, верно? Помню, ты служишь при ней, — сказал Чжун Сибай.

Хэ Сян, не поднимая глаз, ответила:

— Отвечаю Ванъе, я личная служанка второй госпожи Чжан.

Чжун Сибай замолчал. Хэ Сян не смела проронить ни слова. Через некоторое время он спросил:

— Зачем ты пришла в мою резиденцию?

Хэ Сян тут же опустилась на колени и, прижавшись лбом к земле, взмолилась:

— Умоляю, сжальтесь над моей госпожой!

Чжун Сибай нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

— Сегодня госпожа поссорилась с мужем, сильно разбила лоб, а лекаря до сих пор не позвали. Если так пойдет дальше, на лице госпожи останется шрам, — проговорила она.

Чжун Сибай задумался:

— Рассказывай всё по порядку.

Хэ Сян замялась:

— Не смею обманывать Ванъе... Госпожа заподозрила, что в сердце мужа кто-то есть, ворвалась в его кабинет, устроила скандал, и в пылу ссоры случайно ударилась головой.

Голос Чжун Сибая стал тяжелым:

— Хочешь сказать, что твоя госпожа из ревности устроила сцену и сама же пострадала?

Хэ Сян испуганно затряслась:

— Я не это имела в виду...

— Видимо, она всё-таки полюбила Цзиньюаня, — вздохнул Чжун Сибай. — Ладно, возьми у меня мазь Нефритового Застывания. Девушке негоже ходить со шрамами.

— Благодарю, Ванъе!

— Вставай. Скажи Фу Цюаню, пусть выдаст тебе мазь.

Сказав это, Чжун Сибай снова вернулся к птице. Хэ Сян поклонилась и вышла. Отойдя подальше, она обернулась и посмотрела на Чжун Сибая, стоящего во дворе.

Вернувшись, Фу Цюань спросил:

— Вы отдали мазь?

— Раз я приказал, значит, отдал, — ответил Чжун Сибай.

Помолчав, он спросил:

— Цзиньюань всё ещё присылает прошения о встрече?

Фу Цюань кивнул:

— Да.

— Тогда пригласи его, пусть придет побеседовать.

— Слушаюсь.

Гань Цзиньюань, переступив порог резиденции князя, почувствовал, словно вернулся в другой мир. Идя по саду, он был охвачен радостным волнением от предвкушения скорой встречи. Он шагал так быстро, что слуга едва поспевал за ним, и по памяти нашел место, где его ждал Чжун Сибай.

Тот уже приготовил чай. Увидев Гань Цзиньюаня, он лишь слегка кивнул:

— Садись.

Гань Цзиньюань стоял в паре шагов от него, чувствуя, как дрожат руки под рукавами. Он сжал кулаки, пытаясь успокоиться, сел напротив и сделал глоток чая, чтобы скрыть волнение на лице. Чжун Сибай тоже молча пил чай.

Долгое время никто не произносил ни слова.

Наконец Гань Цзиньюань поднял глаза, наблюдая за Чжун Сибаем, чтобы убедиться, что с тем всё в порядке. Сделав глубокий вдох, он хрипло спросил:

— Как ты поживаешь?

Чжун Сибай опустил взгляд, поглаживая край чашки:

— Неплохо.

Гань Цзиньюань хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Столько мыслей теснилось в голове, но при встрече всё тоска, копившаяся внутри, оказалась невыразимой.

Снова наступила тишина. Чжун Сибай посмотрел на него безразличным взглядом, отчего у Гань Цзиньюаня сжалось сердце.

— Хотя это твои семейные дела, и я не должен вмешиваться, я всё же скажу, надеюсь, ты не обидишься, — произнес Чжун Сибай.

Услышав, как тот обратился к нему, Гань Цзиньюань просиял и, не задумываясь, ответил:

— Не обижусь, конечно, нет.

— Раз так, слушай. Ты женился на второй госпоже Чжан, теперь ты должен заботиться о ней.

Гань Цзиньюань почувствовал, будто его сбросили с небес на землю.

— Это моё личное дело, князю Пину не стоит беспокоиться, — ответил он, помрачнев.

Чжун Сибай посмотрел на него:

— Я бы и не лез, но её служанка пришла ко мне за помощью. Это говорит о том, как с ней обращаются в твоей резиденции...

— Довольно! — Гань Цзиньюань прервал его, и в его глазах вспыхнул гнев. — Откуда тебе знать, что происходит в моем доме?

— Я сужу по тому, что её служанка просила у меня помощи, — ответил Чжун Сибай.

— А ты не подумал, почему она оказалась в таком положении? Потому что она не заслуживает любви! — холодно отрезал Гань Цзиньюань. — Ты знаешь, что она не уважает моих родителей и притесняет слуг?

Чжун Сибай опешил:

— Вторая госпожа Чжан не может быть такой...

Гань Цзиньюань горько усмехнулся:

— Конечно, ведь в твоих глазах она совершенство, единственная в мире.

Чжун Сибай помолчал, а затем покачал головой:

— Она твоя жена, и я больше не буду так думать.

Гань Цзиньюань прищурился:

— Если это так, почему ты избегал меня? Ты до сих пор заботишься о ней, настолько, что готов был выбросить наши отношения, которые длились столько лет!

Чжун Сибай промолчал, его ресницы дрогнули, он закрыл глаза, дыхание сбилось — всё выдавало его внутреннее смятение.

Гань Цзиньюань тоже замолчал. Он понял, что был слишком резок, выплеснув то, что больше всего хотел скрыть. Он разжал кулаки, стараясь расслабиться. Он не хотел, чтобы их долгожданная встреча закончилась ссорой.

Прошло много времени. Чжун Сибай открыл глаза, в них было лишь спокойствие. Лицо Гань Цзиньюаня тоже прояснилось.

— Ты прав, — сказал Чжун Сибай.

Глаза Гань Цзиньюаня загорелись.

— Я был неправ, впредь такого не повторится.

— Ты серьезно? — с нетерпением спросил Гань Цзиньюань.

Чжун Сибай кивнул:

— Разумеется. Я сам загнал себя в тупик, поставив личные чувства выше нашей дружбы. Я был глуп.

Эти слова подействовали на Гань Цзиньюаня как избавление от тяжелой ноши. Он наконец улыбнулся.

— Хорошо, что ты это понял, — сказал он.

— Да, — Чжун Сибай опустил голову, чувствуя вину. — Мне стыдно за то, что я так холодно с тобой обходился.

Гань Цзиньюаню было всё равно. Он ждал этого дня слишком долго.

— Всё в порядке.

После примирения Гань Цзиньюань, боясь снова потерять связь с Чжун Сибаем, часто навещал его. Лишь спустя долгое время он наконец успокоился. Чжун Сибай же с удивлением обнаружил, что у друга появилась привычка постоянно брать его за руку.

На вопрос, зачем он это делает, Гань Цзиньюань ответил, что только так он понимает, что это не сон. Сначала Чжун Сибай, чувствуя вину, позволял это, но потом, когда это стало повторяться слишком часто, он начал давать Гань Цзиньюаню пощечины, пытаясь «привести в чувство». Но тот проявлял поразительное упорство и не отпускал руку. В конце концов, Чжун Сибай привык. В конце концов, его старший брат, Император, тоже любил пощипать его за щеки, и от этого он не стал хуже.

Больше всех примирению Чжун Сибая и Гань Цзиньюаня был не рад Император Ся Чандэ, но он продолжал улыбаться. Он не мог запретить им общаться, да и был уверен, что рано или поздно они снова рассорятся из-за Чжан Чжилань — это был факт, который невозможно изменить.

Поэтому настроение Ся Чандэ было не таким уж плохим. Он продолжал заниматься государственными делами и иногда приглашал Чжун Сибая во дворец, что приносило ему удовольствие.

Тем временем в резиденции генерала Чжан Чжилань, запертая в своих покоях, в ярости разбила зеркало.

— Почему остался шрам? А? Почему?! — кричала она, смахивая вещи со стола, с искаженным от злобы лицом.

Вдруг она подскочила к Хэ Сян, вцепилась ей в волосы и закричала:

— Ты же говорила, что мазь от самого князя! Почему тогда у меня остался шрам?!

Хэ Сян, пытаясь отцепить её руки, в ужасе молила:

— Госпожа, я не знаю! Умоляю, пощадите!

Чжан Чжилань отшвырнула её, обхватила лицо руками и впала в истерику:

— Я обезображена... обезображена... нет... этого не может быть...

<http://bllate.org/book/21650/2234291>